

УДК 130.2

«Китайское чудо». Прагматизм как секрет успеха**Просеков Сергей Анатольевич**

Кандидат философских наук, доцент,
заместитель заведующего Редакцией научных журналов,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский пр., 49;
e-mail: SAProsekov@fa.ru

Аннотация

В статье обсуждаются некоторые важные аспекты «китайского чуда». В связи с превращением Китая в лидера мирового сообщества дается характеристика теорий опережающего развития Азии. Автор рассматривает прагматизм как существенную особенность китайского менталитета, которая определяет и политику КНР, как внешнюю, так и внутреннюю, и тип отношений между людьми. В заключении показано, что ссылки на книжную культуру раздражают китайцев, для них принципы Конфуция и Лаоцзы растворены в ткани повседневной жизни и в этом смысле не выделены особо. Как свидетельствуют специалисты, китайцы, если это не связано с их профессией, действительно мало их читают и плохо знают, но им это и не нужно. Ситуация здесь подобна ситуации в современных лютеранских странах, где плохо знают лютеранство, а количество верующих сокращается, но его нормы настолько вошли в плоть и кровь культуры, что им следуют сегодня даже безрелигиозные граждане; или ситуации в России, где нормы менталитета были заданы православием, а теперь им нередко следуют и атеисты. В Китае трансляция этих норм все еще достаточно жестко обеспечивается ритуализмом как важнейшим качеством культуры. При этом прагматизм китайцев часто оборачивается и другой своей стороной – утилитарным отношением ко всему, и к людям, не имеющим отношения к их клану, в том числе.

Для цитирования в научных исследованиях

Просеков С.А. «Китайское чудо». Прагматизм как секрет успеха // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Том 13. № 4А. С. 18-25.

Ключевые слова

Китай, прагматизм, менталитет, Великая дивергенция, Великая конвергенция, национальный характер, Макс Вебер, Фернан Бродель.

Введение

Долгое время Европа считала Китай отсталой страной, которая, пробудившись от своего векового философского сна и неподвижности с приходом в Срединное царство динамичных европейцев в XIX столетии, с тех пор постоянно находится в позиции догоняющего развития. Нехотя признавая первенство китайцев в таких цивилизационных достижениях, как

изобретение бумаги, пороха, компаса, книгопечатания и будучи убежденными европоцентристами, белые люди посчитали, что подобные открытия – в прошлом, принадлежат лишь давно минувшим эпохам. Открытий в Китае, конечно, было существенно больше. Но китайские технологии в основном и прежде всего считались или «лженаукой», как акупунктура, или малоценными, поскольку не получили вследствие закрытости страны широкого распространения именно из Китая и были переоткрыты на Западе, либо не имели практического применения в самом Китае, как коксовый чугун в XIV столетии [Бродель, www...] или флот в Древнем Китае, который использовался «во славу императора», а не для торговых сношений и географических открытий. Культурные достижения европейцами определялись как значимые лишь для самого Китая, а не для иных стран, как китайский театр или литература. Более поздний Китай утратил вообще всякую динамику, в то время как подлинный прогресс, по мнению этих исследователей, принадлежит по определению европейцам. Такие взгляды были мейнстримом в Европе и Америке вплоть до конца XX – начала XXI вв., когда сама по себе европоцентристская позиция стала подвергаться сомнению и когда случилось «китайское чудо»: Поднебесная, как это виделось внешним наблюдателям, внезапно очнулась от тысячелетнего сна и стала лидером в глобализирующемся мире. Это вызвало сложный комплекс эмоций, представлений, теорий и практических шагов: недоумение, страх, интерес, активизацию культурных и торгово-экономических связей с «тигром Азии», стремление его сдерживать, контролировать и, в числе прочего, появление теорий опережающего развития Китая, которые, в частности, разделяет известный отечественный востоковед А.А. Маслов. Эти теории связывают «китайское чудо» не в последнюю очередь с особенностями китайского менталитета.

Основная часть

Классическим представителем теории отставания Поднебесной был немецкий социолог Макс Вебер (1864–1920). Он высказывает положения, согласно которым, вероятно, в древности в Китае существовали антропоморфные боги и вера в обретение бессмертия для достигших совершенства и обитание их в царстве вечного блаженства, но более поздние версии просвещенных конфуцианцев гласят, что душа после смерти как бы растворяется в неантропоморфном божестве, бесформенном флюиде, однако основная ориентация китайского мироощущения даже там, где возобладали даосские или буддийские влияния, – посясторонняя [Вебер, 2017, с. 270-271]; даже у даосов аскетический идеал оправдывался желанием продлить свою жизнь [Вебер, 2017, с. 319]. Данное обстоятельство Вебер считает одной из кардинальных причин того, что в Поднебесной не развился капитализм западного типа – и это один из парадоксов теории Вебера: ориентация на посясторонние интересы не способствует зарождению капитализма, а ориентация на потусторонние интересы, как в протестантизме, возникновению буржуазных отношений способствует.

По Веберу, именно демократический режим правления и тип личности, сформированный прежде всего протестантизмом, т.е. трудоголик с отсроченным личным потреблением и аскетическим бытом, при утверждении формально правовой системы в государстве, постепенно минимизировавшей произвол прежнего нобилитета, обеспечил расширенное воспроизводство товаров, поскольку прибыль не тратилась «на жизнь», а вкладывалась в производство. Согласно кальвинистскому вероучению, никакие земные дела не в состоянии изменить предопределенность одних душ к аду, других – к раю, однако на этой основе развился не

фатализм, поощряющий бездеятельность, а, напротив, активизм, поскольку единственным косвенным признаком богоизбранности ко спасению могли служить деловые успехи человека. Таким образом, именно культурные нормы во многом определяют возникновение или отсутствие буржуазной организации общества, хотя никакая хозяйственная этика, как указывал М. Вебер, не является исключительно религиозной, а связана с образом жизни, который также определяется социально-экономическими и др. условиями [Вебер, 2017, с. 24-25].

Китайские культурные нормы как будто вовсе не могли порождать капитализм, но то, что сегодня называют китайским капитализмом, расцвело в последней четверти XX столетия, а в XXI веке вывело Китай в лидеры мирового развития. Вебер же в поисках объяснения специфики западной рациональности и истоков общества Модерна полагал, что важнейшую роль в Европе сыграли, среди вышперечисленного, идея личного Бога и сотериология, которых не было в конфуцианском Китае, а потому там, по мнению социолога, нет предпосылок для возникновения капитализма. Безличное Небо – носитель и образец вечного космического порядка, поэтому, как полагал Вебер, китайский дух – адаптивный, приспособительный, ориентированный на посюсторонность (и это парадокс: земные интересы не способствуют развитию капитализма, поскольку гедонистичны, а заботы о загробной жизни способствуют), а не преобразующий, не овладевающий, не ориентированный на потусторонность и благополучный в нее переход, как в Новое время на Западе.

Заметим, однако, что тут следовало бы говорить не о «земных интересах», а о краткосрочных, в отличие от долгосрочных. Действовать в долгосрочных интересах возможно при наличии хотя бы минимальной «подушки безопасности» в виде достаточных средств на ежедневные нужды, что для огромного большинства китайцев веками было недостижимой мечтой.

Рассуждая за неимением лучшего термина о развитии капитализма в Китае, постоянно следует иметь в виду, что это не совсем буржуазные отношения или совсем не буржуазные, называть ли их даосско-конфуцианским капитализмом или даосско-конфуцианским социализмом. Важно подчеркнуть условность этих обозначений и помнить о них.

Со времен Античности, которая является истоком и первым этапом становления цивилизации Запада, мир считался законосообразным, это космос, организованность, порядок. Отсюда – и идеи возможности его познания, отсюда же – и моральное убеждение в том, что человеку следует лишь познавать и поддерживать такой порядок. Китайский император, «сын Неба», во главе своих чиновников-мандаринов также обеспечивал порядок среди людей, соответствующий порядку Неба. Поэтому само соображение М. Вебера о важнейших причинах «застоя» китайского общества вследствие отсутствия идеи личного Бога и заманчивых перспектив сотериологии будет теперь в науке подвергаться жесткой критике.

Непосредственное отношение к пониманию модернизации имеют и постулаты М. Вебера о степени «рационализации» религиозных воззрений и присутствию/отсутствию экстатических состояний в культе. Он полагал, что чем выше рационализация и меньше экстатичности, тем скорее такая культура порождает буржуазные отношения. Уровень рационализации он определял через степень свободы от магии и разработанность представлений о Боге, мире и человеке (антропологии) [Вебер, 2017, с. 369].

Что касается степени «магичности», то для ее оценки в сравниваемых Вебером протестантизме и китайской ментальности, описанной им как контаминация конфуцианства и его «ересей» – прежде всего даосизма, а также буддизма, – то тут следует заметить, что конфуцианцы скорее терпели магию, считая ее полезной для народа, хотя и верили в

действенность магии, которую, однако, способна побеждать добродетель, они бы решительно отвергли идею о принудительности для Неба действовать по воле мага, о возможности сделки с Небом. С другой стороны, вопрос об удельном весе («больше/меньше») магизма в развитых религиях корректно решать только в рамках одной конфессии. Но есть ли объективные критерии для сравнения даосско-конфуцианской и протестантской ментальности в этом отношении? Ответ видится отрицательным.

В любом случае старания Вебера подвести рациональные основания под положение о вечной «отсталости» Китая, которое принято им за аксиому, оказываются не слишком состоятельными.

Французский историк Фернан Бродель (1902–1985) писал о догоняющем развитии Востока, утверждая тезисы о запаздывающем формировании товарно-денежных отношений и банковской системы на Востоке несмотря на то, что экономическая система Поднебесной является рыночной с самых древних времен [Бродель], однако рынок – не капиталистическое изобретение. Кроме того, люди в Китае использовались как домашний скот, указывал Бродель, эта страна при всех своих достижениях не смогла войти в лоно современной науки, как писал историк в работе «Грамматика цивилизаций». Относительно неблагоприятного режима политического правления Бродель согласен с мнением Вебера: «Китайское государство, несмотря на сговор торговцев и коррумпированных мандаринов, было бесконечно враждебно расцвету капитализма, который даже если и развивался по воле обстоятельств, то всякий раз в конечном счете безжалостно ставился на место тоталитарным, в известном роде, государством... Настоящий китайский капитализм развивался лишь за пределами Китая, например, в странах Малайского архипелага, где китайский торговец пользовался полной свободой действий» [Бродель, www...].

Однако в последнее время эти подходы меняются. А.А. Маслов говорит, что «за последние десятилетия мы заметно пересматриваем наши взгляды на Восток, и целый ряд работ, опубликованных прежде всего на Западе, а частично и в России, показывают, что это глубочайшее заблуждение — считать, что Восток отставал. На мой взгляд, и я здесь присоединяюсь ко многим коллегам, которые опубликовали соответствующие работы (это и Ян Моррис, и Кеннет Померанц, и ряд других авторов), Восток как раз опережал Запад, и выпадение в XIX веке по культурно-историческому и экономическому развитию – это как раз сбой механизма, а не норматив развития» [Маслов, www...].

Следовало бы уточнить, что такие авторы чаще пишут о темпах развития Азии, Ближнего Востока и Европы в основном вровень – до какого-то времени, например до середины XVIII столетия, когда начинается Великая дивергенция (термин американского социолога С. Хантингтона), или «европейское чудо», расхождение между глобальным Севером и глобальным Югом, а позже – между Восточной Азией и Западом, в результате чего в XIX в. Европа и часть Нового Света стали ведущим типом цивилизации – в соответствии с собственными критериями. Но в соответствии с теми же европейскими критериями в конце 1980-х гг. наступает эпоха Великой конвергенции – большая часть стран Третьего мира по темпам экономического развития обгоняет основные страны Первого мира. Именно к последней эпохе относится и «китайское чудо», которое, как выясняется, не должно считаться чудом.

По данным А.А. Маслова, до прихода в Китай европейцев в середине XIX в. Срединное царство производило от 25 до 35% мирового ВВП, и только с превращением Китая в полукOLONиальную страну объем ВВП падает. До того, полагает Маслов, Китай кормил товарами если не половину мира, то весь азиатский мир [Маслов, www...]. При навязанных

европейских моделях развития экономика стагнирует, а сегодня, когда Китай производит ок. 15% мирового ВВП, возрождается традиционная модель развития. И далее исследователь называет главные особенности этой традиционной модели. Огромные корпорации и банковская система были созданы в Китае задолго до Запада. Китайцам, страдавшим прежде всего не от чумы, в результате которой Европа пустела, т.е. вымирали производители, а от саранчи или разлива рек, когда прежде всего разрушались дома и страдали посевы, удавалось сохранять производственный опыт, поскольку выживали производители.

Зато Европа умела сохранять зерно, развивала военную мощь, чего не делала Азия, и в поисках новых рынков проводила широкую экспансионистскую политику, в то время как Поднебесная замкнулась в своем регионе.

Преодолев эти три главных фактора отставания, Поднебесная произвела «китайское чудо». Китай никак и никому не навязывает свою культуру и модели развития, однако он предельно прагматичен и умеет перенимать и адаптировать, «китаизировать» иностранные новации и, следуя своим образцам, производить много и разнообразно.

Прагматизм – не просто черта политики государства, это – одно из важнейших качеств китайского менталитета и национального характера, которое долгое время не замечалось взглядом извне, чужеземными глазами.

Базовые основы китайского менталитета, определяющие и направляющие все остальные особенности народа, – пространство, время, существование, мир как сеть, люди как сеть – оказались наиболее релевантными нынешним вызовам времени, о чем автор настоящей статьи подробно писал в других публикациях и в своей докторской диссертации. Но это глубинные основы китайской ментальности, которые впитываются ребенком по мере взросления незаметно и которые не замечаются самими носителями этих качеств, которые они не выбирают – они им обучаются в повседневной жизни. Целый ряд особенностей китайского национального характера и психологии, культуры в целом также при изучении оказываются чрезвычайно прагматичными.

Говоря о национальном китайском характере, имеют в виду ненаследуемые, но передаваемые в процессе воспитания устойчивые социокультурные нормы и ценностные ориентации китайцев, характерные для них способы переживания эмоций и распространенные идеологические комплексы, а также их мотивации, составляющие основу национальной идентичности. Этническое и социальное разнообразие слоев населения в Поднебесной велико, поэтому, говоря о китайском национальном характере, надо иметь в виду, что это, скорее, нормативный образец (совокупность образцов), который, конечно, имеет тесные связи с реальными особенностями характеров и этосом общности, однако не тождествен последним. Правда, нельзя забывать, что именно традиционные ценности в условиях модернизации все чаще подвергаются разложению.

Основными «несущими» конструкциями китайского национального характера являются «семейственность» – культ или, как сегодня все чаще встречается, особое почтение к роду и ближнему кругу, к семье непосредственно, а значит – особое отношение к детям и старикам; признание нормой патернализма в самом широком смысле слова – иерархического устройства семьи, клана, государства. И что бы ни говорили об авторитаризме китайских порядков, в условиях огромного, почти уже полуторамиллиардного населения, большой скученности проживания и мобилизационных задач эти качества очень прагматичны. Дети как будущее семьи, материальная опора будущего существования рода – это прагматика. Старики и предки как истоки семьи, обеспечивающие преемственность рода и тесные связи кланов, – это

прагматика.

Власть (император или партия) – проекция Неба на Земле. Потому бунт против власти традиционно в Китае подавляется самым беспощадным образом, ибо это есть бунт против Неба. От того, как соблюдается установленный порядок в дольном, оказывается, зависит не только дольнее, но и горнее. И это отношение к власти остается важнейшей характеристикой китайского национального характера. Отношения с властью задает сам принцип социальности в китайской культуре, который является главным. Тут еще раз следует оговориться, что главенство принципа социальности не означает доминирования коллективизма и умаления индивидуальности: эти категории вообще плохо подходят для описания китайского менталитета.

Китайскую антропологию закладывает учение Конфуция о «человечности», в этом понятии в снятом виде объединены противоположности: высочайшая ценность автономного человека, который, однако, только тогда человек, когда он со-общителен, со-чувственен с иными людьми. «Человечность» не осуществлена в мире, в этом смысле это утопия, однако она «всегда близко». Нельзя не признать, что это очень прагматичный подход, с одной стороны – задающий цели, с другой – мобилизующий на их достижение в интеграции и единстве.

Китайская «личность» – это знаменитое «лицо», т.е. его вписанность в социум и в этом смысле – подчиненность социуму. Однако китайская культура всегда была агональной, состязательность и соперничество развиты тут в самой высокой степени. Вертикальные «лифты» в Китае, как духовные, так и социальные, работали даже в условиях абсолютизма императорской власти: можно было за разнообразные провинности и скатиться по социальной лестнице и «лестнице» духовного совершенствования вниз, и вообще голову потерять, но и подняться, стать Учителем (что совсем не всегда совпадало с успехом в карьере), т.е. признанной индивидуальностью, ценным своей уникальностью. Порядок жестокий, как при всякой развитой агональности, противоположный принятым ныне в Европе правилам ориентации на слабейшего (например, в школе), но и выделяющий самых способных и трудолюбивых и в этом отношении высокоэффективный.

Образованность всегда в Поднебесной оценивалась очень высоко. М.Г. Делягин недаром видит в экзаменах на государственные должности в средневековом Китае образец китайского прагматизма [Делягин, Шеянов, 2015, с. 45]. Если в дорыночную эпоху в Европе должности раздавались по знатности рода и личной преданности, а позже, при провозглашении всяческой демократии, могли просто покупаться – и покупаются, то в Среднем царстве такие пути обретения власти, как правило, были исключены. При этом державшие экзамены должны были уметь писать стихи – не владеющий гармонией не мог быть допущен к высокой должности.

Выводы

Интересно наблюдение экономиста: в разговорах с китайскими деловыми людьми, рассказывает он, не стоит ссылаться на Конфуция и пр. авторитетные источники: «Конфуций и Лаоцзы хороши только для богатых иностранцев», говорят китайцы [Делягин, Шеянов, 2015, с. 46]. Таким образом, ссылки на книжную культуру их раздражают, для них принципы Конфуция и Лаоцзы растворены в ткани повседневной жизни и в этом смысле не выделены особо. Как свидетельствуют специалисты, китайцы, если это не связано с их профессией, действительно мало их читают и плохо знают, но им это и не нужно. Ситуация здесь подобна ситуации в современных лютеранских странах, где плохо знают лютеранство, а количество верующих

сокращается, но его нормы настолько вошли в плоть и кровь культуры, что им следуют сегодня даже безрелигиозные граждане; или ситуации в России, где нормы менталитета были заданы православием, а теперь им нередко следуют и атеисты. В Китае трансляция этих норм все еще достаточно жестко обеспечивается ритуализмом как важнейшим качеством культуры.

При этом прагматизм китайцев часто оборачивается и другой своей стороной – утилитарным отношением ко всему, и к людям, не имеющим отношения к их клану, в том числе. Когда полезность контактов иссякает, они оставляют партнеров без сантиментов, и к этому следует быть готовым [Деягин, Шеянов, 2015, с. 46]. Но и это качество, в сущности, вполне адекватно сегодняшнему времени: и у деловых европейцев круг потребных всякому человеку теплых связей все чаще оказывается минимальным, если вообще наличествует, и это при огромном количестве формальных контактов по всему миру.

Библиография

1. Бродель Ф. Динамика капитализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/libr_min/02_b/ro/del_31.htm (дата обращения 16.04.2024).
2. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. Пер. с нем. и предисл. О.В. Кильдюшова. – СПб: Владимир Даль, 2017.
3. Деягин М.Г., Шеянов В.В. Империя в прыжке. Китай изнутри. Как и для чего «алеет Восток». Главное событие XXI века. Возможности и риски для России. – М.: Книжный мир, 2015, 672 с.
4. Маслов А.А. Концепции опережающего развития Востока [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/55302> (дата обращения 16.04.2024).
5. Lin J. Y., Cai F., Li Z. The China miracle: Development strategy and economic reform //Asia Pacific Development Journal. – 1997. – Т. 4. – №. 1. – С. 165-169.
6. Gilboy G. J. The myth behind China's miracle //Foreign affairs. – 2004. – С. 33-48.
7. Chen X. Understanding the China miracle from the paradigm of realm economics //China Political Economy. – 2021. – Т. 4. – №. 2. – С. 214-223.
8. Yao Y. The Chinese growth miracle //Handbook of economic growth. – Elsevier, 2014. – Т. 2. – С. 943-1031.
9. Cai H., Treisman D. Did government decentralization cause China's economic miracle? //World politics. – 2006. – Т. 58. – №. 4. – С. 505-535.
10. So A. Y. Rethinking the Chinese developmental miracle //China and the transformation of global capitalism. – 2009. – С. 50-64.

“Chinese miracle”. Pragmatism as the secret of success

Sergei A. Prosekov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Deputy Head of the Editorial board of scientific journals
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125993, 49, Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: SAProsekov@fa.ru

Abstract

The article discusses some important aspects of the “Chinese miracle”. In connection with the transformation of China into the leader of the world community, the theories of rapid development of Asia are characterized. The author considers pragmatism as an essential feature of the Chinese mentality, which determines both the policy of the PRC, both external and internal, and the type of relations between people. In conclusion, it is shown that references to book culture irritate the

Chinese; for them, the principles of Confucius and Laozi are dissolved in the fabric of everyday life and in this sense are not particularly emphasized. As experts testify, the Chinese, if it is not related to their profession, really read little of them and do not know them well, but they do not need it. The situation here is similar to the situation in modern Lutheran countries, where Lutheranism is poorly known and the number of believers is declining, but its norms have become so ingrained in the flesh and blood of the culture that even irreligious citizens follow them today; or the situation in Russia, where the norms of mentality were set by Orthodoxy, and now atheists often follow them. In China, the transmission of these norms is still quite strictly ensured by ritualism as the most important quality of culture. At the same time, the pragmatism of the Chinese often turns into another side - a utilitarian attitude towards everything, including people who are not related to their clan.

For citation

Prosekov S.A. (2024) "Kitaiskoe chudo". Pragmatizm kak sekret uspekha ["Chinese miracle". Pragmatism as the secret of success]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 13 (4A), pp. 18-25.

Keywords

China, pragmatism, mentality, Great divergence, Great convergence, national character, Max Weber, Fernand Braudel.

References

1. Brodel' F. Dinamika kapitalizma [Dynamics of capitalism]. Available at: http://krotov.info/libr_min/02_b/ro/del_31.htm
2. Veber M. [2017] Hozhajstvennaja jetika mirovyh religij: Opyty sravnitel'noj sociologii religii. Konfucianstvo i daosizm [Economic ethics of world religions: Experiences in comparative sociology of religion. Confucianism and Taoism]. Translation from German and foreword by O.V. Kildyushova. – St. Petersburg: Vladimir Dal.
3. Deljagin M.G, Shejanov V.V. [2015] Imperija v pryzhke. Kitaj iznutri. Kak i dlja chego «aleet Vostok». Glavnoe sobytie XXI veka. Vozmozhnosti i riski dlja Rossii [Empire in leaps. China from the inside. How and why the East turns red. The main event of the 21st century. Opportunities and risks for Russia]. Moscow.
4. Maslov A.A. Konceptii operezhajushhego razvitiya Vostoka [Concepts for rapid development of the East]. Available at: <https://postnauka.ru/video/55302>
5. Lin J. Y., Cai F., Li Z. The China miracle: Development strategy and economic reform //Asia Pacific Development Journal. – 1997. – T. 4. – №. 1. – C. 165-169.
6. Gilboy G. J. The myth behind China's miracle //Foreign affairs. – 2004. – C. 33-48.
7. Chen X. Understanding the China miracle from the paradigm of realm economics //China Political Economy. – 2021. – T. 4. – №. 2. – C. 214-223.
8. Yao Y. The Chinese growth miracle //Handbook of economic growth. – Elsevier, 2014. – T. 2. – C. 943-1031.
9. Cai H., Treisman D. Did government decentralization cause China's economic miracle? //World politics. – 2006. – T. 58. – №. 4. – C. 505-535.
10. So A. Y. Rethinking the Chinese developmental miracle //China and the transformation of global capitalism. – 2009. – C. 50-64.